

DOI 10.15826/izv2.2023.25.2.023
УДК 347.232.11 + 94(574/575)“04/13” +
+ 94(517)“04/13” + 94(510)“04/13” +
+ 94(47 + 57)“12/13” + 930.2(517)

Л. Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*
Казань, Россия

М. С. Гатин

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*
Казань, Россия

И. А. Мустакимов

*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева*
Астана, Казахстан

Р. Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»*
Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ УТЕРЯННОГО ИМУЩЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье анализируется государственная политика средневековых тюрко-монгольских (чингизидских) государств в отношении утерянного имущества. Впервые в научный оборот вводится в русском переводе ярлык о назначении на должность буларгучи — специального чиновника, в чьи функции входили поиск, хранение и возврат утерянного имущества — из «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» — персидского трактата, созданного в 1360-х гг. чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, находившимся на службе у правителей монгольского Ирана. Проводится комплексный анализ этого документа, в ходе которого осуществляется характеристика правового статуса буларгучи, прослеживается эволюция деятельности в отношении утерянного имущества в тюрко-монгольских государствах, начиная с Монгольской империи и империи Юань в Китае и заканчивая Крымским ханством. Выявляются различия в отношении чиновников рассматриваемых государств к имуществу, которое было потеряно, и к тому, которое признавалось выморочным в связи со смертью его владельца в пределах иностранной державы. Авторы приходят к выводу, что в тюрко-монгольских государствах принимались определенные меры для обеспечения прав собственников имущества, но, вместе с тем, существовала практика злоупотреблений со стороны соответствующих чиновников своими полномочиями с целью поступления такого имущества в казну, в связи с тем, что оно представляло собой немаловажную часть государственных доходов. Источниковую основу исследования составляют исторические памятники — правовые акты, свидетельства современников, дипломатическая переписка, также авторы опираются на труды специалистов, в той или иной степени обращавшихся к исследованию института

буларгучи и вопросов о судьбе утерянного имущества в средневековых тюрко-монгольских государствах.

Ключевые слова: утерянное имущество; тюрко-монгольские государства; Монгольская империя; империя Юань; монгольский Иран; Крымское ханство; традиционное право; ханские ярлыки

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Цитирование: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о судьбе утерянного имущества в средневековых тюрко-монгольских государствах // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 51–67. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.023>

Поступила в редакцию: 12.09.2022

Принята к печати: 06.04.2023

Lenar F. Abzalov

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia*

Marat S. Gatin

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia*

Ilyas A. Mustakimov

*L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan*

Roman Yu. Pochekaev

*HSE University
St Petersburg, Russia*

ON THE FATE OF LOST PROPERTY IN THE MEDIEVAL TURKIC-MONGOL STATES

This article analyses the state policy of the medieval Turkic-Mongol khanates towards lost property. The authors introduce the first Russian translation of a yarligh on the appointment of bularguchi, an official who oversaw the search, storage, and return of lost property. The yarligh comes from the *Dastur al-Katib Fi Ta'yin al-Maratib*, a Persian-language treaty written in 1360s by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, an official at the service of the rulers of Mongol Iran. A complex interdisciplinary analysis of this document helps characterize the legal status of the bularguchi and the evolution of the state policy towards the lost property in the Turkic-Mongol

states from the Mongol and Yuan Empires to the Crimean Khanate. The authors attempt to clarify the differences between the property which was lost and that which was recognized escheat after the death of its owner abroad. The authors establish that the rulers of the Turkic-Mongol states took measures to provide the rights of the owners of the lost property, but at the same time, officials abused their power to pass such property to the state treasury as it was a substantial part of the state revenue. The source base of the research includes legal acts, notes of contemporaries, and diplomatic correspondence. The authors also consider works of specialists who dealt with the bularguchi institution as well as questions on the fate of the lost property in the medieval Turkic-Mongol states.

Key words: lost property; Turkic-Mongol states; Mongol Empire; Yuan Empire; Mongol Iran; Crimean Khanate; traditional law; khans' yarlighs

Acknowledgements

The study was granted by *Russian Science Foundation*, project no. 23-18-00147 “Social and Political Organization of the Eurasian Area in the Middle Ages (by the Example of the Golden Horde and Iran of 13th–14th cc.)”, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, realized at the Voronezh State University.

For citation: Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., & Pochekaev, R. Yu. (2023). К вопросу о судьбе утерианного имущества в средневековых тюрко-монгольских государствах [On the Fate of Lost Property in the Medieval Turkic-Mongol States]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 51–67. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.023>

Submitted: 12.09.2022

Accepted: 06.04.2023

Введение

Результаты исследований по истории, государству и праву тюрко-монгольских государств — Монгольской империи и ее наследников вплоть до ханств XVIII — начала XX в. все более развенчивают некогда сложившийся стереотип о них как о кочевых «квазигосударствах», не имевших развитой властной и правовой систем и живших исключительно за счет грабительских набегов на соседние более развитые народы и государства. Сегодня исследователи имеют все основания утверждать, что в государствах Чингизидов уже в XIII–XIV вв. существовала развитая система власти и управления, четкая регламентация правоотношений, включая экономические отношения, система налогов и сборов и т. д. Также в тюрко-монгольских государствах принимались меры по развитию торговли и предпринимательства, привлечению иностранного купечества, для чего разрабатывалась система гарантий обеспечения их прав и, в некоторых случаях, привилегий — как личных, так и имущественных.

Настоящая статья посвящена исследованию одной из таких гарантий — поиску и возврату собственникам утраченного имущества. Тот факт, что эта деятельность осуществлялась на государственном уровне, подтверждается

наличием в управленческой структуре тюрко-монгольских государств специальной чиновной должности — буларгучи, ответственного за поиск, хранение и возврат владельцу такого утраченного имущества (буларгу)¹. Целью статьи является характеристика правового статуса буларгучи, выявление особенностей его деятельности и прослеживание ее эволюции в различных тюрко-монгольских государствах в разное время.

Анализ источников показывает, что должность буларгучи была весьма распространённой в государствах Чингизидов. И если поначалу его должностные обязанности, по-видимому, складывались стихийно, со временем они получили четкое закрепление. Ярким примером регламентации деятельности буларгучи являются ярлыки о назначении на эту должность. Три образца таких документов были включены в трактат «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленный в 1360-х гг. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником финансового ведомства при дворе монгольских правителей Ирана — последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Уже в первой половине XIX в. они привлекли внимание австрийского востоковеда Й. фон Хаммера-Пургшталя, который опубликовал один из них в немецком переводе. Ниже мы приводим русский перевод публикации Й. фон Хаммера-Пургшталя с параллельным современным переводом текста этого же ярлыка с персидского оригинала.

**Грамота [ярлык] буларгуджи,
т. е. управляющему ставкой,
ответственному за пропавших рабов
и животных (третий [образец])**

Арсланшах — человек верный и надежный, всегда состоял при ставке в качестве буларгуджи и выполнял обязанности этой службы добротой и с полной осмотрительностью: поэтому он вновь утверждается на должность буларгуджи ставки на летних и зимних квартирах на всех путях и дорогах [движения] орды. Его слуги обязаны искать повсюду пропавших рабов и животных, приводить найденных к подножию его [буларгуджи] знамен, и держать их там до тех пор, пока

**Раздел двенадцатый.
О препоручении [должности] буларгучи²**

Поскольку Арсланшах является мужем верным и надежным, постоянно выполнял обязанности буларгучи на стоянках (اردوها) и в пути, был скрупулезен и надежен, отличившись наилучшим их исполнением, ему вновь поручается должность буларгучи на всех летних и зимних стоянках и на всех путях следования орды (اردو) с тем, чтобы он и его нукеры занимались разыскиванием потерянного имущества (بلارغو) из невольников и животных и сопровождением их

¹ Исследователи, корректно характеризующие статус и обязанности буларгучи на основе исторических источников восточного происхождения, тем не менее, отмечают, что этимология самого термина «буларгу» и, соответственно, «буларгучи» до сих пор четко не установлена [Doerfer, S. 213–215; Minovi, Minorsky, p. 786]. Любопытно, что этот термин мог использоваться даже в качестве имени собственного [Рашид ад-Дин, 1946, с. 60, 128, 167; Cleaves, p. 27, 101]!

² Название взято из заголовка, стоящего перед двенадцатым разделом первой части [Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани, с. 67 араб. паг.].

не заявятся владельцы с указанием своих примет и должным определением своих прав собственности, они могут быть переданы им за установленную плату. Этот указ вступает в силу, дабы эмиры и везири — столпы государства и руководители Великого Дивана, и все простолюдины из монголов, тюрков и персов признали Арсланшаха буларгуджи ставки, пусть обращаются к нему по всем вопросам, касающимся этой должности, и не позволяя никому другому вмешиваться [в его дела]. Владельцы при розыске потерянного имущества (буларгу) должны обращаться к нему, дать описание его [потерянного имущества] и сообщить об обстоятельствах, при которых оно было потеряно, заплатить за это причитающееся, и то, что они утеряли, вернуть себе. Им запрещено прибегать ни к какому беззаконию, к какому-либо собранию могущественных людей и лишать его [буларгуджи] правомочия. Руководители Великого Дивана должны ежегодно выделять внесенную в реестры на имя буларгуджи сумму без [какого-либо] вычета, чтобы он мог использовать ее на свои нужды и расходы своих слуг, тем самым споспешествуя своему делу. Он [буларгуджи], со своей стороны, должен выполнять требования к своей должности и всегда быть во главе ее таким образом, чтобы владельцы потерянного имущества могли его снова быстро найти и вернуть свою собственность; он должен во всем иметь перед глазами страх Божий, руководствоваться им на своей должности, никому не отказывать в том, что им принадлежит, и удерживать при себе [потерянное имущество] только до тех пор, пока он не выяснит истину.

Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала
[Hammer-Purgstall, S. 476–477]³

к подножию его (буларгучи. — *И. М.*) знамени, обеспечением их сохранности. Когда придет владелец утерянного имущества, назовет его приметы и принадлежность ему [этого] имущества будет достоверно установлена, пусть он (буларгучи. — *И. М.*) передаст утерянное имущество его владельцу по уплате [владельцем] определенной пошлины, вместе с расходами, понесенными на содержание этого утерянного имущества, которые [буларгучи] сможет удостоверить. По этой причине сей указ вступает в силу. Пусть эмиры, везиры, сановники, члены Великого Дивана, монголы и тюрки, таджики и торговцы признают Арсланшаха в качестве буларгучи орды, в вопросах, входящих в компетенцию [обладателя] этой должности пусть обращаются к нему. Пусть не признают никого другого его со товарищем и соперником [в исполнении должности буларгучи]. Владельцы потерянного имущества для его истребования пусть приходят к его (буларгучи. — *И. М.*) знамени и сообщают приметы потерянного ими имущества. Расходы, которые он понес и объявил им, пусть выплатят вместе с определенной пошлиной и получают обратно свое утерянное имущество. Пусть не прибегают ни к каким отговоркам и покровительству могущественных лиц и причитающееся ему (буларгучи. — *И. М.*) пусть не удерживают. Пусть члены Великого Дивана считают прописанный в реестрах Дивана размер содержания, выплачиваемого буларгучи, утвержденным в отношении него (Арсланшаха. — *И. М.*), и ежегодно, без убавления и проволочек, выплачивают ему, дабы он и [его] нукеры могли тратить [эти средства] на расходы, связанные с исполнением своих обязанностей. Ему (буларгучи. — *И. М.*) также надлежит выполнять условия и требования, предъявляемые к этому важному делу и непрерывно находиться на службе с тем, чтобы владельцы утерянного имущества

³ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

⁴ В оригинале او بمهمات ايشان قيام نمايد, букв. «Он (буларгучи. — *И. М.*) выказывает старание за их припасы».

могли быстро вернуть его себе. Пусть он выказывает [служебное] рвение, а они возмещают его расходы⁴. Пусть во всех [своих] делах боится Бога, не нарушает права людей, не укрывает чужое и знает достоверно, что в противном случае подвергнется суровому наказанию. Написано...⁵

Перевод с оригинала [Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани, с. 70–72 араб. паг.]⁶

Историко-правовой комментарий

Обратим внимание, что Й. фон Хаммер-Пургшталь, во-первых, опубликовал лишь один образец ярлыка о назначении на должность буларгучи, во-вторых, поместил его в качестве приложения к своему исследованию не по истории монгольского Ирана, а по истории Золотой Орды. По мнению авторов статьи, австрийский востоковед мог счесть содержание этого образца наиболее «универсальным», тем самым давая понять, что аналогичная должность существовала в других средневековых тюрко-монгольских государствах, и ее обладатель имел тот же правовой статус, который нашел отражение в данном документе⁷.

В самом деле, обратившись к другим источникам, мы обнаруживаем, что буларгучи действовали в различных государствах Чингизидов. Когда появилась эта должность впервые, точно неизвестно, однако уже францисканец Иоанн де Плано Карпини, совершивший свое знаменитое путешествие в Монгольскую империю в середине 1240-х гг., сообщает о том, что деятельность по поиску и возврату утерянного имущества в этом государстве уже существовала: «Если же теряется скот, то нашедший его либо отпускает, либо ведет к назначенным для этого людям, у которых уже те, кому принадлежит скот, требуют его и без каких-либо трудностей получают его назад» [Плано Карпини, с. 139].

Близкое по содержанию описание деятельности буларгучи приводит другой знаменитый путешественник Марко Поло, побывавший в Монгольской империи (вернее — в империи Юань) несколько позднее — в 1270-х — начале 1290-х гг.: «У птиц великого хана, а также у птиц других князей, к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто ее держит; как поймают птицу, тотчас же знают, чья она, тому и отдают. А когда не знают, чья птица, несут ее к князю⁸ *bularguei*; зовут так того, кто стережет добро без хозяина. Найдут

⁵ Далее пропуск.

⁶ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

⁷ Это соображение побудило нас представить современный перевод того же самого образца ярлыка и с оригинала.

⁸ В оригинальном старофранцузском варианте — «барон» [Moule, Pelliot, p. 230].

ли коня, или меч, или птицу, или что другое, и коли не знают, чья вещь, несут ее к тому князю, а он сторожит и бережет найденное; а кто нашел, коли тотчас не принесет, почитается за вора; а кто потерял, идет к тому князю, и тот приказывает отдать потерянное. Завсегда тот князь пребывает со своим знаменем в самом высоком месте стана, чтобы те, кто что-либо утерьял, тотчас же видели его. Так-то ничего не теряется, а все находится и по принадлежности возвращается» [Книга Марко Поло, с. 261].

Более ранних сведений об институте буларгучи нам обнаружить не удалось, однако, по мнению Т. Олсена, он представлял собой институционализацию ранее существовавшей у монголов практики взаимопомощи при обнаружении пропавшего скота. В результате появляется специальная должность, органично вписанная в систему управления Монгольской империи⁹ [Allsen, p. 98].

Анализ источников позволяет сделать вывод, что именно в империи Юань деятельность буларгучи подверглась наиболее четкой регламентации и была поставлена под государственный контроль. В 1279 г. было создано «Главное управление по беглецам в нескольких областях» (*Chu-lu po-lanhsi tsung-kuan-fu*), которое в 1288 г. было преобразовано в «Управление по беглым рабам и потерянным животным» (*Lan-i chien*), при этом его сотрудники именовались *pu-lan-hisch'in*, в чем нетрудно увидеть китайскую передачу монгольского «буларгучи»¹⁰. Первоначально это управление подчинялось «Бюро по обеспечению императорского имущества», но вскоре, около 1291 г., было выведено из его состава в самостоятельное управление [Farquhar, p. 76, 113–114].

Деятельность буларгучи в империи Юань была сильно бюрократизирована. Известный персидский историк рубежа XIII–XIV вв. Рашид ад-Дин так описывает процедуру истребования собственником своего утерянного имущества: первоначально он обращался к наibu, «который ведает воротами; принятую челобитную относят этому наibu, и он допрашивает. Название этого дивана — Ляйс; после допроса пишут отчет о деле и вместе с той челобитной отсылают в диван Лусэ, который степенью выше Ляйса. Оттуда пересылают в третий диван, называемый Чу-ми-юан, а потом относят в четвертый диван, под названием Туиджи-юак, этот диван ведает делами “ямов” и курьеров. Эти три упомянутые дивана находятся в подчинении того дивана. А потом относят в пятый диван, называемый Руш-таи, в котором вершат дела войска; а после этого — в шестой диван, называемый Сиюнишэ, там бывают все послы, купцы, прибывающие и отбывающие [лица]; этот диван ведает ярлыками и пайзами. В настоящее время эта должность поручена персонально эмиру Дашменду. Когда [дело] будет

⁹ Это наблюдение исследователь обосновывает тем, что в постимперский период институт буларгучи в Монголии, по-видимому, вновь исчез: иностранные путешественники XVIII–XIX вв. отмечали, что поиском пропавшего скота занимались сами жители соответствующих местностей [Allsen, p. 98].

¹⁰ Вместе с тем, в практике Юань использовался и буквальный перевод этого термина — *lan-yi* [Ratchnevsky, p. 83].

отнесено во [все] эти шесть диванов, тогда [его] несут в Великий диван, называемый шэн, [там] допрашивают и снимают отпечатки пальцев допрашиваемых лиц. А значение отпечатка пальца таково: как известно и подтверждено опытом, суставы пальцев у [всех] людей не одинаковы. Каждый раз, когда кто-либо дает какое-нибудь показание, эту бумагу кладут ему меж пальцев и по оборотной стороне того показания обводят чертой место, [где находятся] суставы его пальцев, для того чтобы [это] сличить со снимком суставов его пальцев, если он когда-нибудь отречется [от своего показания]. Если же они в точности совпадут, он не сможет заператься. Поступив таким образом с осторожностью во всех диванах, делают доклад и выполняют смысл приказа в отношении того [дела]» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 179–180]¹¹. Исследователи уже выражали недоумение о причинах столь длительной процедуры и вовлечения такого количества органов власти в дело о возврате утерянного — даже если речь шла о беглых рабах [Minovi, Minorsky, p. 787]. Ниже мы предложим свою версию объяснения такого сложного алгоритма действий в отношении буларгу.

Дополнительные сведения «Дастур ал-катиб» позволяют сделать вывод, что деятельность буларгучи была поставлена на высокий организационный уровень также и в монгольском Иране. Мухаммед Нахчивани дает характеристику правового института «буларгу» и весьма подробно описывает должностные обязанности соответствующего чиновника: «[Слово] “буларгу” в терминологии монголов обозначает что-то потерянное, что не нашел владелец, как то: невольник, невольница или животное. Буларгучи называют человека, которого назначают от Великого Дивана для того, чтобы во время откочевки орды он со своими нукерами повторно¹² обходил места стоянок людей и всё [обнаруженное там], будь то невольник, невольница или животное — лошадь, мул, верблюд, вол, осел — оставшееся на [этом] месте или скрывшееся, гнал перед собой и обеспечивал его сохранность. Если кто-либо обнаружит [свое имущество], он (буларгучи. — И. М.) подводит [утерянную вещь] к нему, чтобы передать ему ее. И он (буларгучи. — И. М.) прилагает усилия к обереганию этих утерянных вещей до тех пор, пока не обнаружатся и не будут установлены их владельцы, которым они принадлежат, после чего он передает [их владельцам]. Буларгучи устанавливает [особое] знамя у входа в свой дом и стан с тем, чтобы люди по этому знаку могли снова найти его дом и стан, прийти к нему и снова поискать то, что они потеряли» [Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани, с. 67–68 араб. паг.; см. также: Doerfer, S. 214]¹³.

Из публикуемого ярлыка мы также делаем вывод, что деятельность буларгучи, как и в монгольском Китае, контролировалась центральными властями:

¹¹ Отметим, что в русском переводе соответствующего пассажа «Сборника летописей» понятие «буларгу» отсутствует, оно имеется в английском переводе этого памятника [Rashiduddin..., p. 438].

¹² Букв. «многократно».

¹³ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

на свою должность он назначался непосредственно ханским указом, подотчетен был «Великому Дивану», т. е. центральному исполнительному ведомству монгольского Ирана, а в рамках исполнения своих обязанностей взаимодействовал с «эмирами, везирами, сановниками», а также с широкими слоями населения — как кочевого, так и оседлого. Согласно анализируемому ярлыку, кандидат на должность буларгучи должен был демонстрировать надежность, иметь опыт поиска предметов (вероятно, в качестве подчиненного буларгучи), отличаться точностью и скрупулезностью.

Нам точно неизвестно, когда институт буларгучи приобрел институционализацию в монгольском Иране, однако буларгу упоминается уже в трактате знаменитого персидского ученого и государственного деятеля Насир ад-Дина Туси, составленном, по-видимому, на рубеже 1260–1270-х гг. Весьма любопытно, что буларгу фигурирует среди источников пополнения государственной казны. По мнению В. Ф. Минорского, утраченное имущество могло поступать в казну, если собственник не обращался к буларгучи по поводу его возврата [Minovi, Minorsky, p. 775]. В персидских документах не указывается, в какие сроки следовало подавать такое обращение, однако в юаньских источниках конца XIII — первой половины XIV в. этот срок составлял 10 дней [Ratchnevsky, p. 82–83]. Рашид ад-Дин сообщает, что к началу правления ильхана Газана (1295–1304) на персидских торговых маршрутах периодически имели место злоупотребления со стороны дорожных чиновников (туткаулов), которые фактически грабили проходившие караваны, обвиняя купцов в том, что среди них воры, незаконно завладевшие утерянными имуществами (буларгу) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 269; Doerfer, S. 213].

Кроме того, по нашему мнению, исследователь не учел еще один источник дохода от буларгу для казны — упомянутая в ярлыке «определенная пошлина», размер которой, впрочем, тоже не указан в известных нам документах, касающихся института буларгу. Тот факт, что этой пошлине придавалось большое значение, отражен в следующем пассаже ярлыка: «Пусть не прибегают ни к каким отговоркам и покровительству могущественных лиц и причитающееся ему пусть не удерживают». Тем самым предупреждались попытки получить освобождение от уплаты пошлины за возврат утерянного имущества, прикрываясь покровительством местных властей. Подобная льгота могла быть пожалована в индивидуальном порядке ярлыком-указом правителя — точно так же, как освобождение от других налогов и пошлин в дошедших до нашего времени жалованных (тарханых) грамотах. Впрочем, полагаем, эта льгота не освобождала собственников возвращаемого имущества от необходимости компенсировать буларгучи затраты на его поиск и хранение, т. е. реально понесенные им расходы.

Принцип деятельности буларгучи Чингизиды старались распространить и на международные отношения. В частности, в ярлыке ильхана Абу Саида, выданном в 1320 г. и содержащем льготы для венецианских торговцев в монгольском Иране, присутствовала статья, гласившая, что если принадлежавшая подданному

ильхана лошадь, отбившаяся от стада (*cavalo bolargo*), окажется в пределах их фактории, то венецианцы должны вернуть ее хозяину, если он обратится к ним с соответствующим требованием и докажет, что именно ему принадлежит тавро, которым помечена лошадь [Mas Latrie, p. 26].

Подобная практика была неслучайной и объяснялась принципом взаимности: ведь и иностранцы во владениях ханов-Чингизидов также могли столкнуться с утерей вещей и, соответственно, имели право потребовать их поиска и возврата от буларгучи. Неслучайно и в анализируемом ярлыке, и в приведенной выше цитате из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина имеются упоминания о торговцах и их взаимодействии с властями.

В связи с этим нельзя не упомянуть еще об одном виде утраты — собственности чужеземных торговцев, которые умирали во владениях Чингизидов. С одной стороны, казалось бы, это имущество должно было приравниваться к утерянному имуществу и, соответственно, должно было сохраняться и возвращаться наследникам умершего. Но, с другой стороны, как правило, имущество иностранных торговцев составляло куда большую ценность, чем заурядные потери в виде отбившегося от стада скота или беглых рабов, — соответственно, власти были заинтересованы в объявлении его выморочным и в конфискации в пользу казны. Возможно, именно с этим была связана сложная процедура возврата утерянного имущества в империи Юань, описанная Рашид ад-Дином: власти могли рассчитывать, что на одном из этапов рассмотрения заявления о его возврате собственник не сможет удовлетворить формальные требования, и имущество отойдет в казну.

Флорентийский торговец Франческо Балдуччи Пеголотти, составивший в 1320-х гг. руководство для торговцев, отправлявшихся вести дела во владениях Чингизидов, специально описывал такую практику: «Путь следования из Таны в Катай совершенно безопасен как днем, так и ночью, согласно тому, как рассказывают торговцы, которые им пользовались. За исключением того, когда торговец умрет по дороге или на обратном пути. Тогда все вещи переходят к господину той земли, где умер торговец, и все берут чиновники господина. И так же будет, если он умрет в Катае. На деле, если с ним будет его брат или близкий спутник, который скажет, что он его брат, тогда ему отдадут все имущество умершего, и таким образом сохранится имущество» [Хаутала, с. 876]. Н. Ди Козмо при анализе этого фрагмента указывает, что этот принцип прямо противоречил одной из яс Чингис-хана [Di Cosmo, p. 408–409] — речь идет о положении, зафиксированном в сочинении «История завоевателя мира» персидского сановника на службе у монгольских ханов Ата-Малика Джувейни, составленном ок. 1260 г.: «А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, — прицепки не делают и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают (имущество) его ученику либо холопу¹⁴ и ни под каким видом добро умершего

¹⁴ Так В. Ф. Минорский перевел термин *ghulam*.

не берут в казну, и считают это неподобным» [Вернадский, с. 145–146]. Однако исследователь не учел, что данное положение ясы касалось подданных монгольских правителей, а никак не иностранцев.

Поэтому неудивительно, что в отношении зарубежных торговцев власти чингизидских государств старались не применять этот принцип и зачастую объявляли себя либо наследниками «выморочного» имущества, либо, даже возвращая его наследникам умерших купцов, удерживали весьма существенную долю¹⁵. Так, например, в 1343 г. венецианский торговец Джованни Лоредано скончался в пределах Чагатайского улуса, и его брату и наследнику вернули примерно половину его имущества, в результате чего ему пришлось вложить собственные средства в размере не менее 105 лир в дело, чтобы сохранить долю брата в торговом товариществе [Lopez, p. 176].

Весьма подробно эта проблема освещена в документах, касающихся отношений Московской Руси и Крымского ханства на рубеже XV–XVI вв.: имеется целая переписка великого князя Ивана III с ханом Менгли-Гиреем I, в которой русские власти старались защитить интересы своих подданных — наследников московских купцов, умерших в крымских владениях. В связи с этой практикой появился даже специальный термин «зауморщина», обозначающий право крымских властей на имущество умерших иностранцев [Веселовский, с. 333]. Год за годом московский правитель старался добиться отмены этого принципа в русско-крымских отношениях, однако его усилия практически не давали результатов: хан ссылался на то, что этот принцип заимствован им из османской практики, и ему, как преданному вассалу османского султана, следует его соблюдать, тем более что конфискованное имущество он вынужден делить с главой османской администрации в Крыму — правителем Кафы [Памятники дипломатических сношений..., с. 47–48, 74]¹⁶. Стараясь снять с себя ответственность, хан рекомендовал Ивану III списаться лично с кафинским наместником или даже с самим султаном, чтобы отменить «зауморщину»¹⁷.

¹⁵ Примечательно, что таким наследником мог стать не только кровный родственник, но и другой человек, имевший возможность обосновать свои права на имущество. В одной из публикаций середины XIX в. такое лицо даже поименовано «подставным братом» [Шостак, с. 119]!

¹⁶ Подобный принцип в соответствующем послании Менгли-Гирея назван «майтамал», т. е. действия в пользу государственной казны [Кобеко, с. 271]. В. Д. Смирнов, допуская, что «зауморщина» могла быть позаимствована крымскими властями из османской правовой практики, вместе с тем обращает внимание, что другим источником рецепции могли стать еще генуэзские владения в Крыму, ссылаясь на Устав Кафы 1449 г. [Смирнов, с. 493]. Впрочем, нельзя не отметить, что в самом этом документе практика конфискации имущества иноверцев, умерших без завещания, характеризуется именно как злоупотребление властными полномочиями [Юргевич, с. 730–731]

¹⁷ Великий князь и в самом деле последовал этому совету, однако всего лишь получил от султана Баязида II заверение, что тот никогда не практикует «зауморщину» в отношении имущества умерших московских торговцев [Памятники дипломатических сношений..., с. 233, 245].

В соответствующих документах отсутствуют понятия «буларгу» и «буларгучи», однако у нас есть определенные основания считать, что действия, связанные с «зауморщиной», также предпринимали чиновники со сходными функциями: в переписке они фигурируют как «зауморщики», «ордобазарцы»¹⁸, либо даже просто «добрые люди» [Памятники дипломатических сношений..., с. 47, 221, 232], т. е. те же «верные и надежные» чиновники, каковыми являлись и буларгучи.

Русско-крымская переписка отражает весьма «виртуозные» способы завладения «выморочным» имуществом, применявшиеся представителями ханских властей (как и османской администрации в Крыму). В частности, в одном из посланий Ивана III, датированном 1496 г., сообщается, что когда в крымских владениях один из представителей торгового товарищества (включавшего пять-шесть партнеров) заболел, то «зауморщик» тут же опечатывал товары всего товарищества и в случае смерти больного объявлял их исключительно его собственностью, следовательно, подпадавшей под «зауморщину» [Там же, с. 245].

Только в отдельных случаях правители готовы были отказаться от столь доходной практики в силу тех или иных причин. Так, Бабур, завоеватель Индии и основатель империи Великих Моголов, характеризуя положительные качества своего отца Омар-Шейх-мирзы, приводит следующий эпизод: «Справедливость его достигала высокой степени. Однажды, когда из Китая шел караван, то у подошвы гор к востоку от Андиджана караван из тысячи людей так засыпало снегом, что спаслись только два человека. Получив об этом известие, Омар Шейх мирза послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх мирза сберег товары несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости» [Бабур-наме, с. 34].

Менгли-Гирей I в одном из посланий Ивану III также сообщал, что после смерти одного московского купца он приказал переписать весь его товар и, «зауморки не имати», отправил его с верным человеком (вероятно, как раз буларгучи или аналогичный ему чиновник) наследникам торговца [Памятники дипломатических сношений..., с. 221]¹⁹. Еще один пример имел место в гораздо более поздние времена: хан Саламат-Гирей II в ярлыке-договоре с польским королем Августом III упоминал, что прилагает все усилия по возврату наследникам имущества польского торговца, умершего в его владениях, — причем даже с обращением к османским властям, поскольку часть его собственности к моменту

¹⁸ Ордобазаром называлась ханская ставка, в которой также шла торговля [Kolodziejczyk, p. 262]. Соответственно, «ордобазарец» — это ханский служащий, связанный с регулированием торговой деятельности.

¹⁹ Примечательно, что если со стороны Менгли-Гирея это был едва ли не единственный эпизод отказа от «зауморщины», то со стороны Ивана III он требовал возврата имущества своих умерших в Москве торговцев постоянно, основывая это требование на том, что русские власти не признают «зауморщину» [Памятники дипломатических сношений..., с. 286]!

смерти владельца оказалась в Бендерах, находившихся непосредственно под управлением османской администрации [Kolodziejczyk, p. 1006–1007].

Таким образом, как видим, отказ от права на имущество иностранцев, умерших во владениях тюрко-монгольских правителей, носил индивидуальный характер и отражал не общую практику, а добрую волю самих правителей, стремившихся либо прослыть идеальными монархами, либо укрепить отношения с теми государствами, чьими подданными являлись умершие купцы. Официально же практика «зауморщины» в отношении русских торговцев была отменена лишь после подписания русско-турецкого торгового договора 1783 г. [ПСЗРИ, с. 942].

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что власти тюрко-монгольских государств предусматривали определенную защиту прав собственников утраченного имущества, в связи с чем была утверждена специальная чиновничья должность буларгучи, деятельность которого регламентировалась специальными ханскими указами-ярлыками и была подотчетна профильным центральным органам власти. Наиболее четкое регулирование деятельности буларгучи нашло отражение в правовой практике империи Юань и монгольского Ирана. Так, в империи Юань действия по отысканию и возврату утраченного имущества были сильно бюрократизированы: чтобы вернуть утерянную вещь, владельцу следовало пройти целый ряд инстанций, осуществить множество процедур. Несомненно, это стало отражением общей тенденции по инкорпорации элементов китайской системы управления в монгольское имперское политико-правовое пространство, начавшей активно проявляться еще во времена хана Угедэя и его советника Елюя Чуцая, при которых Хубилай, будущий основатель династии Юань, впервые получил властные полномочия на территории Северного Китая и также окружил себя китайскими советниками [История Китая..., с. 82–83; Кадырбаев, с. 59–61]. В монгольском же Иране столь многоуровневой системы деятельности по отысканию утраченного имущества не было, тем не менее, и в этом государстве деятельность буларгучи четко регламентировалась и также контролировалась центральными властями. Документальные источники позволяют сделать вывод, что такие чиновники существовали и в других тюрко-монгольских государствах — в Золотой Орде и ее наследниках (в частности, в Крымском ханстве), Чагатайском улусе эпохи Чингизидов и Тимуридов.

Согласно тексту ярлыка о назначении буларгучи из «Дастур ал-катиб», впервые введенного в русскоязычный научный оборот, обладатель этой должности должен был отличаться соответствующими личными и профессиональными качествами, имел в подчинении соответствующий аппарат для выполнения возложенных на него обязанностей. Деятельность таких чиновников финансировалась за счет государственной казны, кроме того, сами собственники найденного имущества должны были возмещать буларгучи расходы, понесенные

в связи с поиском и хранением этого имущества, и уплачивать соответствующую пошлину.

Анализ источников позволил выделить две категории имущества, которое можно отнести к утраченному — это собственно утерянное имущество, в том числе отбившийся скот и беглые рабы, а также имущество чужеземцев (в первую очередь торговцев), умерших на территории другого государства, признававшееся по его законам выморочным до появления официального наследника. Авторы приходят к выводу, что судьбой второй категории утраченного имущества также могли весть либо буларгучи, либо чиновники, исполнявшие сходные обязанности.

Кроме того, источники содержат немало примеров, когда соответствующие чиновники злоупотребляли своими полномочиями, чтобы утраченное имущество не возвращалось к законным владельцам, а отходило в государственную казну. Окончательная судьба такой собственности зависела уже от воли правителей, которые, в свою очередь, вынося соответствующее решение, могли принимать во внимание различные обстоятельства, связанные с поддержанием либо своей личной репутации, либо дружественных отношений с тем или иным иностранным государством.

Источники

Бабур-наме. Записки Бабура / пер. М. Салье. Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992.

Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / пер. И. М. Минаев ; вступ. ст., коммент М. Б. Горнунга. 4-е изд. М. : Мысль, 1997. С. 190–380.

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Даустур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, предисл. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М. : Наука, 1976.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. (Сборник Императорского Русского исторического общества ; т. 41).

Плано Карпини И. де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова ; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина ; коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой, Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова. М. : ИДВ РАН, 2022.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. СПб. : Тип. II отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса, отв. ред. В. В. Струве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946.

Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.

[*Юргович В.*] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 629–837.

Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in memory of Chang Ying-Jui // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1950. Vol. 13, No. 1/2. P. 1–123.

Mas Latrie L. de. Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribute a un roi de Tunis. Paris : [s. n.], 1870.

Minovi M., Minorsky V. Nasir al-Din Tusi on Finance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1940. Vol. 10, No. 3. P. 755–789.

Moule A. C., Pelliot P. Marco Polo: The Description of the World. Vol. I. London : George Routledge & Sons, Ltd., 1938.

Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 2. Paris : Presses Univ. de France, 1972.

Rashiduddin Fazhullah's Jami'u't-tawarikh. Mo ul tarihi = Compendium of Chronicles. A History of Mongols / Engl. transl. by W. M. Thackston. 3 vols. [Cambridge, Mass.] : Cambridge Univ. Press, 1998–1999.

Исследования

Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб. : Лань, 1999. С. 112–148.

Веселовский Н. Зауморщина // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. Т. XII. СПб. : Типо-лит. И. А. Эфрона, 1894. С. 333.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. V : Династии Юань и Мин (1279–1644) / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев, А. А. Бокщанин. М. : Наука, 2016.

Кадырбаев А. Ш. Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Т. XXXIX. Ч. I. М. : ИВ РАН, 2009. С. 56–75.

Кобеко Д. Майтамал // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. II. СПб., 1887. С. 270–272.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в. М. : Рубежи XXI, 2005.

Шостак В. История черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса : Тип. Л. Китчи, 1850.

Allsen T. T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major. Ser. 3. 1989. Vol. 2, Pt. 2. P. 83–126.

Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden ; Boston : Brill, 2005. P. 391–424.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I. Wiesbaden : Franz Steiner Verl., 1963.

Farquhar D. M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart : Franz Steiner Verl., 1990.

Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth : C. A. Hartleben's Verl., 1840.

Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden ; Boston : Brill, 2011.

Lopez R. S. European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents // *The Journal of Economic History*. 1943. Vol. 3, No. 2. P. 164–184.

References

Allsen, T. T. (1989). Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260. *Asia Major*, Ser. 3, 2, pt. 2, 83–126.

Di Cosmo, N. (2005). Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.), *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* (pp. 391–424). Leyden; Boston: Brill.

Doerfer, G. (1863). *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen* (Vol. 1). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.

Farquhar, D. M. (1990). *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Hammer-Purgstall, J. von. (1840). *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.

Kadyrbaev, A. Sh. (2009). Khubilay-khan – zavoevatel' ili ob"edinitel' Kitaia? [Khubilay Khan – Conqueror or Unifier of China?]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitaie*, 39, pt. 1, 56–75.

Kadyrbaev, A. Sh., & Bokschanin, A. A. (Eds.). (2016). *Istoriia Kitaia s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. T. V: Dinastii Yuan i Min (1279–1644)* [History of China from the Earliest Times to the Early 21st Century. Vol. 5: Yuan and Ming Dynasties (1279–1644)]. Moscow: Nauka.

Kobeko, D. (1887). Maitamal. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva*, 2, 270–272.

Kolodziejczyk, D. (2011). *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston.

Lopez, R. S. (1943). European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents. *The Journal of Economic History*, 3(2), 164–184.

Shostak, V. (1850). *Istoriia chernomorskoj trgovli v srednikh vekakh* [History of the Black Sea Trade in the Middle Ages] (Pt. I). Odessa: Tipografiia L. Kitchi.

Smirnov, V. D. (2005). *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII v.* [Crimean Khanate under the Suzerainty of the Ottoman Porte until the Early 18th Century]. Moscow: Rubezhi XXI.

Vernadsky, G. V. (1999). O sostave Velikoi Iasy Chingis-khana [On the Scope of the Great Yasa of Chinggis Khan]. In G. V. Vernadsky, *Istoriia prava* [Legal History] (pp. 111–148). St Petersburg: Lan'.

Veselovsky, N. (1894). Zaumorshchina [Escheat]. In F. A. Brokgauz & I. A. Efron (Publ.), *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopaedic Dictionary] (p. 333). St Petersburg: Typolitografiia I. A. Efrona.

Абзалов Ленар Фиргатович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Татарстана
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
420111, Казань, ул. Лево-Булачная, 44
E-mail: len_afzal@mail.ru

Гатин Марат Салаватович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Татарстана
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
420111, Казань, ул. Лево-Булачная, 44
E-mail: marat_gata@mail.ru

Мустакимов Ильяс Альфредович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
НИЦ «Ел тарихы»
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева
010000, Республика Казахстан, Астана,
ул. К. Сатпаева, 2
E-mail: imus2007@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и истории права и государства
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге
194100, Санкт-Петербург,
Кантемировская ул., 3А
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Abzalov, Lenar Firgatovich

PhD (History), Associate Professor
Department of the History of Tatarstan
Kazan (Volga Region) Federal University
44, Levo-Bulachnaya Str., 420111 Kazan,
Russia
Email: len_afzal@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>
Scopus AuthorID: 57200993361

Gatin, Marat Salavatovich

PhD (History), Associate Professor
Department of the History of Tatarstan
Kazan (Volga Region) Federal University
44, Levo-Bulachnaya Str., 420111 Kazan,
Russia
Email: marat_gata@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>
Scopus AuthorID: 57201649466

Mustakimov, Ilias Alfredovich

PhD (History),
Senior Researcher,
Scientific Research Center “Yel Tarikhy”
L. N. Gumilyov Eurasian National University
2, K. Satpayev Str., 010000 Astana,
Kazakhstan
Email: imus2007@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>
Scopus AuthorID: 57217009752

Pochekaev, Roman Yulianovich

Dr. Hab. (History), PhD (Law), Professor,
Head of the Department of the Theory
and History of Law and State
HSE University
3A, Kantemirovskaya Str.,
194100 St Petersburg, Russia
Email: rpochekaev@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>
Scopus AuthorID: 57190090464